

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

папы, профессии он все же поступил в железнодорожный техникум. «Я приходил в тепловоз и осознавал, что буду проводить так каждый следующий день. Всю свою жизнь. И чувствовал беспросветный ужас. Армия стала моим спасением», — вспоминает он.

А чего еще можно было ожидать от человека, который с самого детства точно знал, как именно выглядит аленький цветочек? «Моя цветочная любовь — из детства. Она не придуманная и не найденная, — говорит Максим Лангуев. — Моя детская комната вечно была забита мхами, лишайниками, ветками... Не говоря уже о паучках, которые приезжали вместе с этим из леса. Сейчас я думаю: как же сильно моя мама любила меня, если ни разу не сказала ни слова против моих увлечений!» Среди детских воспоминаний Максима — много нежных историй, связанных с цветами. «Помню, что рядом с остановкой, где мы с мамой всегда ждали автобус, стояли цыганские ларьки с цветами. Пока автобуса не было, я лазал под прилавками и собирал обломки цветов. Есть одно весеннее воспоминание — из того времени, когда только-только начали распускаться цветы и появился первый одуванчик. Я сорвал его и повез домой в автобусе. И думал: ну как бы сделать так, чтоб он не завял? Нужно его в воду поставить — но где взять воды? И я

держал кончик стебля во рту, чтобы одуванчик пил мою воду. Было горько, неприятно, но я понимал, что так и должно быть».

«Работали все время на грани извращения»

Отслужив в армии и поступив на агрономический факультет, Максим Лангуев решил наконец получить то образование, которое ему было действительно нужно. И устроился в салон «Наталия» одного из самых известных петербургских флористов Наталии Корякиной. «Там я впервые взял в руки цветы и начал составлять из них композиции. Мы много работали с подручными материалами, сухими цветами, было много прикладного и поделочного, много мелкой работы и моторики. Хотя вскоре этот стиль мне наскучил, именно там я получил все свои навыки и развил их, взяв нужное и отказавшись от ненужного. И помню, сложилось так, что ровно через девять месяцев работы я выносил новый опыт и смог работать самостоятельно», — рассказывает Максим. Другим учителем он называет флориста Владимира Бермякова, у которого проработал еще два года. А следующим шагом стало открытие собственной «Атмосферы».

«Закрепиться на рынке тогда было проще. Мы были уникальными: хорошие

цветочные магазины в Петербурге тогда можно было пересчитать по пальцам — пожалуй, список исчерпывался двумя магазинами моих учителей, — говорит Максим. — Были, конечно, сетевые цветочные магазины, но они не имели с нами ничего общего стилистически: работали на другую аудиторию». Несмотря на то, что культура потребления цветов еще не сформировалась, дефицита посетителей «Атмосфера» не испытывала, говорит Максим: «Было немало людей с хорошим достатком и утонченным вкусом одновременно. Были и люди, которые искали чего-то нового. Мы предлагали интересные упаковки, необычное оформление, все время работали на грани какого-то извращения. Был у нас клиент, который каждую неделю дарил невесте по букету. И каждую неделю мы придумывали для него что-то новое и странное. К одному из букетов, например, привязали дверную ручку. Сейчас бы я такого уже не сделал, но тогда это было ужас как остро. В своей работе я постепенно отсеял затейливое. Сейчас этой замысловатости так много, что хочется ее снять, двигаться в сторону простоты, — говорит он. — Хотя...» И косится на свой рабочий стол, где лежат, опровергая его слова, приготовленные для нового декораторского проекта большие синие перья. Иногда — если дух события это диктует — не грех в оформлении обратиться и к вычурным решениям: использовать крашенные цветы, например.

Что сейчас, что в прошлом Максим Лангуев придерживался правила продавать только то, что считает правильным, невзирая на массовый спрос. «Запрос на китч был раньше и сейчас есть. Это обременение нашим вкусом, близким к Востоку», — говорит он. И если бы у него попросили миллион алых роз, он бы согласился: нашел бы способ преподнести так, чтобы это было не пошло. Принципиальность важна, но не менее важно оставаться открытым и не застревать в рамках клише. «Когда сейчас говорят: „О боже, розы с блестками, какой кошмар“, я прекрасно понимаю, что, возможно, через десять лет будут продавать одни только розы с блестками. Потому что десять лет назад я не мог себе представить, что мне будет интересно работать с крашеными цветами: я считал это пиком пошлости, — объясняет Максим. — У меня есть, конечно, собственный фильтр, все подряд я не использую, но все равно смотрю в сторону в прошлом табуированных вещей и понимаю, что мое мировоззрение трансформируется».

«Все было придумано еще двадцать лет назад, а теперь переперепридумано»

В начале карьеры представление Максима о том, какого именно цветочного магазина не хватает Петербургу, формировалось под влиянием путешествий. Железнодорожный занавес только-только упал, петербуржцы смогли увидеть соседнюю капиталистическую Финляндию. «Путешествия были как глоток воздуха. Банальные поездки в Финляндию двадцать лет назад уже были уже окном в другой мир. Цветочные другие, подача другая! А дальше уже и Париж, и Лондон... Когда открыли магазин, чувствовал, что срочно надо куда-то ехать за границей: информации не хватало, а местной питаться не хотелось». В европейских магазинах уже тогда продавали цветы, о которых в Петербурге никто и не слышал, и «Атмосфера» стала для города флористическим окном в Европу.

«Рынок цветов был очень узким, многого не привозили. Меня же насмотренность заставляла заказывать для нашего магазина что-то необычное. Навероятно популярную сейчас гортензию тогда почти никто в Петербург не возил. Наши оптовые поставщики часто звонили и умоляли: „Максим, заберите гортензию, не знаем, что с ней делать, никто не покупает. Ну хоть за полцены!“ Мы с радостью забирали». С тезисом о том, что «Атмосфера» познакомила петербуржцев с гортензией, Максим не соглашается: «Это, может быть, чересчур высокая оценка нашей роли...» «Ничего не высокая, это так и было! Гортензию никто не хотел покупать, не понимали этого цветка! — перебивает его директор Виктор Романовский, который стоял у истоков бизнеса вместе с Максимом. — То же самое сейчас с тюльпанами на луковичках происходит. Ты расскажи!» Тюльпаны на луковичках — не срезанные, а целиком выкопанные из земли, красиво смотрящиеся в прозрачных вазах, — «Атмосфера» начала продавать в прошлом году. «И сейчас, видимо, придет волна их популярности. Сейчас же легко, не то что раньше: если есть несколько тысяч подписчиков в „Инстаграме“, информация разлетается мгновенно». Тем не менее трендсеттером себя называть Максим соглашается едва ли. «Все мы питаемся информацией. Часто, замечая тренд, я даже не могу понять: были мы причастны к его созданию или сами его где-то подхватили... Все уже давным-давно придумано. Оно было еще двадцать лет назад придумано, а сейчас уже переперепридумано. Поэтому и появляются крашенные цветы».

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ